

ЧАВА 1

Дождь строчил по огромному сугробу под окном автоматными очередями, превращая его в грязную кашу из талого снега и песка. Если бы Дима задержался тут еще на день, ему бы пришлось эту кашу грузить совковой лопатой на тележку и вывозить куда-нибудь подальше от окон начальника колонии. Потом нашелся бы еще один раскисший сугроб, и еще, и еще. И возили бы они грязную жижу до самого вечера, вычищая территорию колонии. И не то чтобы он считал подобное занятие бессмысленным. Но...

Хотя да, бессмысленно было перевозить таявший на глазах снег. От него уже завтра ничего не останется. Дождь благополучно справился бы за них с этим неблагодарным занятием. Но, как говорит начальник колонии: что бы заключенный ни делал, лишь бы замахался.

— Карелин, ты слышишь меня, нет? — поднял на него тяжелый взгляд начальник колонии.

— Так точно, слышу, Иван Игнатьевич. — Дима привычно держал руки сцепленными за спиной ниже поясицы.

— Тогда почему не радуешься? — Бескровные губы начальника колонии расплзлись в подобии улыбки. — Тебя условно-досрочно освободили. Выходишь сегодня, Карелин. А ты стоишь как истукан, пойми вот тебя!

Понять его за восемь лет пытались многие, вышло не у всех.

— Я радуюсь, гражданин начальник. — Дима тоже изобразил улыбку. — Как говорится, на свободу с чистой совестью.

— Да иди ты, Карелин... — Начальник зашевелил губами, беззвучно матерясь. — Вечно ты со своими подковырками.

Иван Игнатьевич вылез из-за стола и подошел к окну. Уставился на исчезающий сугроб. Перевел недоуменный взгляд на небо, завешанное плотными сизыми облаками.

— Н-да, весна... — протянул он меланхолично и вдруг резко обернулся: — Ты, Карелин, будь умнее, а! Неплохой же парень. Умный. Бизнес с нуля поднял. И вдруг сюда попал. Да с таким сроком. Я же сразу понял, что ты не убивал ту пожилую тетеньку, за которую тебе двенадцать лет влепили.

Дима молчал. Все, что он мог, он сказал на суде восемь лет назад. Его не слышали. Сейчас зачем? В этом месте возражать и доказывать что-то было бессмысленно.

• *Забава мертвых душ* •

— Восемь ты отсидел. Две трети срока. Выходишь по УДО. Так уж будь любезен, не возвращайся!

Начальник колонии вернулся на место медленным тяжелым шагом. Усаживаясь, поморщился. Все знали, что у него серьезные проблемы со здоровьем. И он давно просится на покой. Пенсию заработал. Пока не отпускали. Не могли определиться с выбором, кого на его место назначить.

— Я на таких, как ты, посмотрелся за свою жизнь, — хмуро глянул он на Карелина, подписывая его бумаги. — Не хочу, чтобы ты считал, что оказался здесь из-за ошибки следствия, подставы и все такое...

— А почему я здесь оказался, гражданин начальник? — все же не выдержав, спросил Дима. — Если не из-за подставы?

— Ты здесь оказался, умник, потому, что заслужил! — повысил голос Иван Игнатьевич, запустив по столу в его сторону подписанные бумаги. — Нельзя быть идиотом, нельзя. Надо нос держать по ветру. И вовремя надо понимать, кто тебе друг, а кто враг. Нельзя клювом щелкать, Карелин! Ты вот умник, да? Талантище. А тебя как пацана сделали. Убрали с глаз подальше. Задвинули. А кто, что, за что? Ты хотя бы понял?

Карелин отрицательно мотнул головой. И это было правдой. Ему восьми лет не хватило, чтобы понять: как он мог очутиться не в том месте, не в то время. С чьей помощью?

— Вот, не понял. — Начальник глянул с сожалением. — Мой тебе совет: не начинай искать обидчика, Карелин. Не надо. Все в прошлом. Смысл? И про остывшее блюдо мести забудь. Подашь его, снова здесь окажешься. И главное помни, Карелин... Воля — это та же зона, только без охранников. Живи там так же, как и здесь.

— Это как, гражданин начальник? — Дима нахмурился.

— Живи осторожно, ходи и оглядывайся. Все, свободен, Карелин!

За воротами его ждала новенькая иномарка с блестящими от дождя мокрыми боками. Не его, конечно же. Свою машину он продал по доверенности через человека, который сейчас встречал его с широкой улыбкой.

— Диман, здорово! — бросился бегом ему на встречу сосед по подъезду Леша Окунев. — Как же я рад тебя видеть!

Леша попытался его обнять, Карелин отстранился, вытянув руку для пожатия.

— Чего это ты вдруг? — удивленно поднял Дима брови, кивая в сторону машины. — Не ожидал.

— Нет, ну как! Я тебя сюда провожал. Обещал встретить. — Леша поскуchnел, улыбка исчезла. Он с обидой поинтересовался: — Ты не рад, что ли?

— Нормально все, — кивнул Карелин.

Закинул свой вещмешок в багажник и полез на пассажирское сиденье рядом с Лешей.

— Значит, не рад, — проворчал Окунев, заводя машину. — Я старался...

• Забавы мертвых душ •

— Что старался, молодец. Спасибо, — окинул Карелин равнодушным взглядом профиль соседа. — Но я в принципе разучился радоваться, Алексей.

— А солнцу? Небу? Оно же не в клеточку теперь! — наморщил лоб Леша, мазнув по Диме взглядом.

— Я в колонии был, Леша. Мы свободно перемещались до отбоя, спортом занимались. Неба в клетку не было. Обычное небо.

— Ты еще скажи, что и жизнь там у тебя была обычная! — недоверчиво покрутил головой Леша. — А не как на зоне.

— Обычная жизнь. Среди людей. — Карелин пожал плечами. — Только под охраной. И по расписанию.

— Среди людей?! — ахнул Леша и глянул на него сумасшедшими глазами. — Там же одни преступники!

— Разные там, Леша, — прервал его Дима, дернул за рукав красивой осенней куртки. — Так же, как и на воле. Тут тоже все разные.

— Понял, — буркнул Окунев и надолго замолчал.

Ехать было не так далеко. Он отбывал срок наказания в трехстах с небольшим километрах от Москвы. Окунев все время молчал, сосредоточившись на дороге. Карелин то притворялся спящим, то рассматривал мокрую от дождя наступающую весну за окном.

— Перекусим? — предложил Леша, сворачивая на заправку. — Тут неплохие комплексные обеды. Если что, я угощаю.

— У меня есть деньги, — удивил соседа Дима. — Но нет аппетита. Кофе, если не трудно, принеси.

— Хорошо. — Леша отвел его руку с тысячной купюрой. — Не надо. Я же сказал, угощаю.

— Окей. Жду тебя в машине.

Он с трудом признавался самому себе, а уж Лешке тем более не скажет, что немного сторонится свободного мира. И не потому, что забыл — как в нем. Нет. Он просто не знал, как этот свободный мир его примет. Такого вот — нового. Заматеревшего телом и духом. Циничного, недоверчивого.

Пока он в машине, он будто под прикрытием. Стоит ему выйти наружу...

— Не спросил, Диман, извини, какой тебе кофе брать, — суетливо сунул ему в руки трехсотграммовый бумажный стакан Лешка. — Взял американо. Сахара всыпал три пакетика.

Он хотел эспresso. Без сахара.

Поблагодарил Лешку кивком. Снял крышку и принялся пить горячий кофе мелкими глотками. Кофе был недурен, но не тот, к которому он привык. Его кофемашина по утрам перед отъездом на фирму выдавала ему такой двойной эспresso, что в висках начинало стучать. Он еще помнил, не забыл.

Кстати...

— Моя кофемашина цела? — покосился он на соседа.

— А что ей будет-то? Там все цело. Как было при тебе, так и осталось. Она забрала свои вещи. Твои все на местах. Ключи от квартиры...

— У меня есть. Она же не поменяла замки, нет?

• *Забавы мертвых душ* •

Леша отрицательно мотнул головой.

— Вот и ладненько. — Дима помолчал минуту и все же спросил: — Как она вообще?

— Не знаю, — вдруг с необъяснимой печалью произнес Окунев. — Я вообще про нее ничего не знаю, Диман.

— В смысле, не знаешь? Разве вы не вместе, Леша?..

Весточку с воли о том, что Лешка на всю катушку опекает его жену, доставил ему сам же сосед. Явился на свиданку и, глядя на Карелина сквозь стекло, покался во всех своих грехах.

— Лучше, если я сам тебе расскажу об этом, — проговорил он, с силой прижимая телефонную трубку к уху. — Не хочу никаких сплетен за спиной. Ты мой друг, Диман.

— Сосед, — поправил его Дима.

— Пусть так, но мы всю жизнь знаем друг друга.

— Восемь лет, — снова внес ясность Карелин. — Это я всю жизнь прожил в этом доме с родителями и остался там после их смерти. Ты поселился всего лишь восемь с небольшим лет назад, Окунев.

— Для меня эти восемь лет как вся жизнь. Потому что... Потому что я никогда не встречал таких замечательных людей, как ты и Лиза.

И Окунев заплакал. И, размазывая слезы по лицу, рассказал ему, как Лиза после ареста мужа начала скатываться в пропасть. Как едва не пропила квартиру и фирму, которую основал ее супруг.

— У вас в доме постоянно крутились какие-то сомнительные люди. Все с нее требовали подпи-

сать какие-то бумаги. Потом к ней повадился мент из местного отдела. Скользкий такой, противный.

— Осипов? — уточнил Дима.

— Да. Кажется.

— Они одноклассники с Лизкой.

— Это не помешало ему залезть к ней в койку, — пряча глаза, прошептал Лешка. — Там кого только не было, Диман.

— И даже ты побывал, — с ухмылкой произнес Дима.

На тот момент он отсидел полгода под следствием и уже год на зоне. Поэтому немного научился держать себя. И не принялся бить стекла, чтобы добраться до Лешкиной покрасневшей шеи.

Диме очень хотелось ударить соседа. За новости гнусные. За то, что он там — по другую сторону стекла. И сейчас просто встанет и уйдет. А ему еще сидеть и сидеть. Чалиться, как принято здесь говорить...

— Мы вместе. Даже официально оформили отношения. Ты же знаешь. Я тебе писал.

Он глянул на Диму, тот молчал, и Леша продолжил:

— Мы вместе, но будто врозь. Она смотрит мимо меня, как сквозь стекло...

«Через которое ты сообщил мне, что вы с Лизой решили съехаться», — неприязненно подумал Карелин.

— Она не занимается ребенком. Она все забросила! Дом на мне. Участок на мне. Ребенок на мне.

— Наверняка прислуга имеется, Леша, — ухмыльнулся Карелин.

• *Забавы мертвых душ* •

— Имеется, но надо же все контролировать. А Лиза, она... Она совсем меня не любит. Она... Она ненавидит меня!

— Ты хочешь, чтобы я тебя пожалел? — ухмылка Карелина сделалась шире. — Или... Или, быть может, ты хочешь, чтобы я занял твое место, как ты мое когда-то?

— Я твоего места не занимал, — неожиданно оскорбился Окунев и поддал газу. — После тебя там кого только не было. Я вытащил ее со дна. Я поймал ее на краю пропасти!

— Вытащил или поймал? — Карелин уставился на облака, сделавшиеся легче, светлее, переставшие сыпать дождем. — Знаешь, Леша, что я тебе скажу... Я не хочу ничего знать ни о Лизе, ни о вашей жизни. Я все это пережил и закопал. Я начинаю жить заново. В этой новой жизни вам места нет. Особенно Лизке!

Черт, ну вот почему ему показалось, что Окунев выдохнул с облегчением?

ЧАВА 2

Закинув ноги на стол, он покачивался в рабочем кресле и дремал. К нему никто не мог войти сейчас. Все либо уже ушли, либо еще не явились. В коридоре отделения полиции было тихо. Начальник уехал в главк с докладом. И те немногие, кто, как Евгений Осипов, сидели по своим кабинетам, предпочитали не высовываться.

Редкая минута затишья. Он всегда ее использовал, чтобы подремать. Не высыпался постоянно. Лет уже десять, наверное. В выходной, о котором мечталось с начала недели, вскакивал как ненормальный с утра пораньше. И снова недосып.

— Может, это у тебя болезнь какая-то? — предполагала мама, пытаясь уложить его у себя в гостях, как когда-то в детстве. — Что-то нервное, связанное с твоей беспокойной службой?

Он кисло улыбался ей в ответ. Добросовестно пытался уснуть на любимом диване в своей бывшей детской. Но ничего не выходило.

Но вот на работе!..

Здесь его веки наливались тяжестью мгновенно, стоило ему остаться одному в кабинете. Как вот сейчас.

Осипов чувствовал, как опрокидывается в сон. Даже услышал, как всхрапнул. И совсем не отреагировал на легкий сквозняк, потянувший из форточки при открывшейся двери. Дернулся лишь в тот момент, когда над его ухом кто-то звонко хлопнул в ладоши и рассмеялся.

— Что?! — вытаращил он глаза, резко роняя ноги со стола. — Что случилось?!

Перед ним с широкой улыбкой стояла Маша Климова. В узких черных брюках, форменном поло и кителе, мастерски подогнанном под ее хрупкую фигурку.

— Дрыхнешь, Осипов? А если кто войдет?

Она присела на край его стола. На него пахнуло тонким ароматом ее духов, названия которых она

никому не раскрывала. Сколько к ней ни приставали коллеги-женщины, Маша хранила тайну.

— Я не дрыхну. Я размышляю, — ответил он с вызовом. — А тебя вообще стучаться не учили?

— Я же не к тебе домой пришла. И не к начальству, — с легкой обидой огрызнулась Маша, слезая с его стола. — А ты нагло спал, Осипов, даже не пытайся отказаться. Ты храпел!

— Я не храпел. — Он почувствовал, что краснеет, и разозлился. — Чего тебе вообще надо, Климова? Подкрадываешься. Подслушиваешь, кто храпит, кто целуется, а потом начальству доносишь.

Инцидент был давно забытым. Маша его застукала на одной вечеринке целующимся с замужней дамой. Увидела и увидела, повернулась и ушла. Но дама, смутившись, принялась гнать волну. Что Маша типа подсматривала за ними. Конечно, при таком шуме невозможно было не привлечь внимания. И народ зашушукался по углам. И та самая дама, которая, по сути, сама себя сдала, обвинила Машу в разглашении.

Некрасиво тогда вышло. По отношению ко всем.

— Я не доношу, товарищ капитан. — Маша дернулась так, словно он ее по спине кнутом ударил. — И тебе об этом прекрасно известно. И если ты, Осипов, спишь на работе, то это только твои проблемы. Я увидела, кто-то еще или сам полковник Томилин — мне все равно. И да, я к тебе по делу.

Маша уселась за пустующий стол напротив Осипова. Раньше там его коллега трудилась, все больше над отчетами, которые он при острой за-

нятости на нее спихивал. Нет, он любил писать отчеты. Но ему все время было некогда.

Теперь коллега ушла в декрет. Стол пустовал. Горы бумаг множились.

Окинув бумажные залежи тоскливым взглядом, Осипов проговорил:

— Не хочешь на время декрета моей коллеги к нам в отдел перевестись, Маша?

— Нет. Мне на своем рабочем месте забот хватает, — поняла она его «заманчивое» предложение. — Так вот, о деле... Агентура мне донесла, что вчера вернулся из мест заключения некто Карелин. Был осужден на двенадцать лет за убийство с отягчающими, вышел по УДО.

— И? — Осипов широко развел руки, потрянул головой с выдвинутым подбородком. — Что дальше?

— Это мой участок. Мне надо знать, что он за человек?

— Придет к тебе, установишь, — фыркнул капитан, рассматривая Машу как-то странно. — Он же в соответствии со статьей, по которой был осужден, должен к тебе прийти?

— Должен. Жду завтра. А сегодня хотела навести о нем справки. У коллег. — Она выразительно оглядела бумажные залежи на столе, за которым сидела, и с ехидством добавила: — Которые мне как будто друзья.

Осипов похлопал себя по карманам. Нашел последнюю пластинку жевательной резинки, сунул в рот. Принялся лениво жевать, чтобы потянуть время.

• *Забавы мертвых душ* •

Ответ надо было хорошо обдумать, потому что Маша могла быть в курсе, что именно связывало Осипова и Карелина. Разговор с ней на эту тему, конечно же, никогда прежде не возникал. Она на тот момент даже еще здесь не работала, но...

Но очень много злых языков вокруг. Могли и на-молотить чего не надо.

— Так что скажешь о Карелине, товарищ капитан?

Маша смотрела...

Ёлки! Она смотрела именно так, как он и опасался. Она была в курсе. Ее уже просветили доброты всякие.

— Что могу о нем сказать? Ничего из того, что ты ожидаешь услышать, — начал он осторожно, словно по болотным кочкам ступал.

— А что я ожидаю? — сощурила она свои карие глаза.

— Ну... Что-то типа того, что он всегда был неуравновешенным, ходил по краю, постоянно ввязывался в истории и так далее... Ничего этого я о нем не скажу, потому что ничего такого не было. Карелин нормальный. Адекватный. Умный. Спокойный. Как и за что он забил несчастную женщину до смерти, было и остается для меня загадкой.

— Ошибка следствия? — предположила Маша, высоко задрав брови.

— Вряд ли. Следователь был опытный. На труп я сам лично выезжал. Карелин спал в ее комнате на диване вдрызг пьяный. Тело женщины было обнаружено в кухне. В состоянии... Ужасном, короче.

Я тогда только на службу пришел. Меня выворачивало, жуть!

— И из того, что он спал в соседней комнате с трупом, следствие пришло к заключению, что он убил ее? — Маша наморщила носик, вывернула губы и недоверчиво качнула головой. — Профессионально, сказать нечего...

— Не умничай, Климова, — усмехнулся капитан. — Кулаки Карелина были сбиты так, что превратились в месиво. Сопrotивляясь, женщина его царапала. Под ее ногтями были обнаружены его частички кожи. Свидетели — соседи утверждали все в один голос, что слышали, как она звала на помощь и орала во все горло: «Ты же мой сосед, не надо».

— А чего на помощь не пришли? — удивленно заморгала Маша. — Постой, угадаю! Женщина принадлежала к группе риска. Вела асоциальный образ жизни. Так?

— Нет. Не так. Но предпочли не вмешиваться.

— Но что ее могло связывать с Карелиным, если он был умным и спокойным?

— Да он из-за одного инцидента слетел с катушек, — нехотя признался Осипов.

Снова почувствовал, что краснеет. Разозлился и тут же по внимательному взгляду Маши понял, что она все знает. Вообще все. Даже то, что не было отражено в материалах дела.

— Даже не думай! — ткнул он пальцем в ее сторону.

— Я ничего такого. Так... Кое-что слышала... Просто хотела уточнить.

• *Забавы мертвых душ* •

— Что ты слышала, ну что?

— Что ты спал с его женой. Карелин, узнав об этом, выгнал жену из дома, а тебя вызвал на дуэль. Но она не состоялась по причине того, что Карелин был задержан по подозрению в жестоком убийстве. И я задаю себе вопрос... — Маша поставила локти на стол, сжала ладоням виски. — Почему все это таким странным образом совпало, а?

— Даже не думай! — чуть с меньшим напором воскликнул Осипов. — Я не подставлял его. Меня знаешь как проверяли!

— Догадываюсь, — недоверчиво фыркнула Маша. И прищурилась в его сторону. — Но что с его женой ты спал, хотя бы не отрицаешь? Это я так, по-дружески интересуюсь.

— Не твое дело — раз. Мы с ней одноклассниками были и дружили с детства — два. А три — какого хрена ты тут роешь, старший лейтенант Климова? Я вообще не въезжаю, чего ты ко мне с вопросами прилипла? Заняться нечем? Коллегам с отчетами помоги.

— С отчетами стажеры помогут, Осипов. И заниматься мне есть чем. Я тут по этой самой причине занимаюсь как раз. А с вопросами прилипла вот почему... — Маша вылезла из-за стола и медленно пошла к двери, там остановилась и закончила: — Если ты примешься его подначивать, гадить ему, провоцировать, знай, я начеку. Он отсидел, досрочно вышел. Пусть живет на вверенном мне участке спокойной, законопослушной жизнью. Мне проблемы не нужны.

— Знаешь, мне тоже. Мне восемь лет назад служба собственной безопасности все кишки вывернула. Не думай, Машка, что из-за бабы я бы стал человека убивать, с целью соперника подставить. Как бы хороша ни была Лиза...

— А она была хороша? — загадочно улыбнулась Маша, приоткрывая дверь.

— Почему была? Она и сейчас есть. Вышла замуж, вполне себе удачно. Родила ребенка. Живет себе счастливо, богато.

— Ты специально навел справки? — снова сделались крутой дугой ее брови.

— Ничего я не навел, — вспыхнул Женя в который раз. — Она сама рассказывала.

— То есть ты продолжаешь с ней встречаться?

Осипов набрал полную грудь воздуха, чтобы выставить нахалку из кабинета как можно резче, но поняв, что она поймала его, с шумом выдохнул.

— Иногда пересекаемся, — не стал он врать.

— У тебя или у нее? Пока муж на работе? — Ее губы отыграли все варианты ломаных ухмылок сарказма.

— Машка... Ты чего вообще хочешь, а?

Осипов встал и направился к двери. Замер в метре от Маши. Вопросительно вытаращился на нее.

— Я не хочу проблем на своем участке, Женя. Чтобы Карелин вдруг снова наступил на те же грабли, чтобы вокруг него концентрировалось зло. У меня неплохой участок. Все тихо-мирно. Понимаешь?

• *Забавы мертвых душ* •

— Что же мне его охранять, прикажешь? — хотнул Женья и помотал у Маши перед носом пальцем: — Не нанимался.

— Не охранять. Не гадить.

С этими словами она вышла, тихо притворив за собой дверь. Он минуту откатывал в голове весь разговор. Счел, что ничего такого в нем не было. Обычная просьба участкового. Обычный его ответ, никакой опасности для него не представляющий. Вернулся к столу. Взял в руки мобильник, который лежал возле клавиатуры. Набрал знакомый номер.

— Это я, — произнес он, не здороваясь.

Они уже созванивались сегодня, не по сто же раз здороваться.

— И? — ответил ему женский голос с некоторым раздражением.

— Он вернулся, знаешь?

— Конечно. Окунев за ним ездил. Потом весь вечер мне рассказывал. — Ее голос зазвучал спокойно.

— И что рассказывал? Как он? Как выглядит?

Против воли в последний вопрос просочилась ревность.

— Ну как... Как может выглядеть человек, восемь лет отсидевший, Женья? Уставший, потерянный, потухший. Или это одно и то же? В тряпье. Во- няет от него, Окунев сказал, как от собаки. Так вот...

Ну, до чего же равнодушным был ее голос, до чего же контролируемым. Так быть не могло. Ему ли не знать! Что скрывалось за этим? Чем обернется впоследствии? Загадка...

ГЛАВА 3

В квартире, где он когда-то жил со своими родителями, а потом с женой Лизой, все было так же, как и восемь лет назад. Ничего не поменялось. Все вещи на своих местах. Мебель тоже. Ему показалось даже, что упаковки с рисом, гречкой и спагетти те же. Но, протянув руку и прочитав дату, Дима понял, что ошибся. Все было свежим. И продукты в холодильнике тоже. Окунев постарался. Он, маясь и краснея, признался, что похлопотал.

— Может, не по твоему вкусу что, Диман, извини. Просто подумал, что тебе будет не до походов по магазинам.

Нет, почему же...

Первый шок от свободы, когда хотелось прятаться в Лешкиной машине, прошел. Он уже был готов к тому, чтобы прогуляться. Послушать шум города, разговоры людей, все время куда-то спешащих.

— Ты правильно подумал, Лешка, — протянул ему руку на прощание Дима. — Мне и правда сейчас не до этого. Надо пока отсидеться...

— Не насиделся? — попытался тот пошутить.

Понял, что вышло гадко, покраснел, принялся извиняться.

— Все нормально, Окунев. Проехали. Я позвоню.

Он не позвонит. Зачем? Окунев живет сейчас с его бывшей женой. Воспитывает своего с Лизой ребенка. У них бизнес. Они развиваются.

Зачем он им там — в их новой жизни? Зачем они ему здесь — в его новой жизни? Он все начнет с чи-

стого листа. Только не так, как раньше: сломя голову, со счастливым смехом от успеха. Нет. Теперь все будет тихо, осторожно, на ощупь. Как если бы он был слепым. Хотя слепым, если разобраться, он был тогда — восемь или больше лет назад.

— Ты просмотрел иуду рядом, — вынес приговор его неудачам один из авторитетных воров на зоне. — И это кто-то близкий тебе. Может, не до поцелуев в десны, но не чужой. Всегда надо искать причину рядом. И врага среди друзей. Будь всегда один, и фарт тебе в помощь...

Советов ему там давали много и разных. Он слушал и не слушал. Пытался вспомнить, кому так нагадил своим везением. И не смог. Он никогда не шел по головам!

— Это всегда так кажется, — усмеялся со значением все тот же авторитетный вор. — Когда ты отталкиваешься, чтобы взлететь, то не замечаешь, в кого летит пыль от твоих ботинок. Ищи там — среди оставленных в пыли от твоих ботинок неудачников...

Вор был авторитетным, старым и мудрым. Но Карелин все равно не нашел того, кто бы его мог с такой жестокостью подставить. И однажды, всего лишь однажды, на какой-то краткий подлый миг усомнился в своей непричастности к убийству.

— Серьезно? Ты серьезно думаешь, что пьяным до слюней мог бы с таким садизмом и мастерством забить тетку насмерть? — Старый вор недоверчиво вывернул сизую губу, покачал головой. — Даже если и допустить, что мастерства бойцовского тебе

не занимать, на ногах в тот момент ты держаться не мог самостоятельно. Кто-то был с тобой рядом. Кто-то тебе активно помогал. Найдешь — кто, ответишь на вопрос — кто тебя подставил...

Вор не дожид до его условно-досрочного освобождения, помер от застарелых болячек. Три года не дожид. Его авторитетный «трон» занял другой человек. С ним у Карелина доверительных бесед не было. Диму это не печалило. Достаточно было того, что его не трогали...

Он сушил полотенцем мокрые, только что вымытые волосы, когда в дверь его квартиры позвонили. Он растерялся? Перепугался? Опешил? Сам не понял, что заставило его на цыпочках красться в прихожую и минуту рассматривать в глазок низкорослую пигалицу с короткой стрижкой. Та таращилась ему прямо в левый глаз. Увидеть, конечно, не могла сквозь дверной глазок, но терпеливо таращилась.

— Рассмотрел? — спросила она громко.

Полезла во внутренний карман черной длинной куртки, достала служебное удостоверение, придвинула к глазку и требовательно, опять же громко, произнесла:

— Открывайте, Карелин. Я ваш участковый.

Он послушно открыл. Отступил от двери.

— Оденьтесь, — строго потребовала она, мазнув взглядом по его голому торсу и коротким шортам.

Он кивнул и ушел в спальню. Достал почти новый, но давно вышедший из моды спортивный костюм. Влез в него за тридцать секунд. Вышел к ней. Она так и продолжала топтаться в прихожей.

• *Забавы мертвых душ* •

— Проходите, — неуверенно предложил Дима.

— Хорошо, — согласилась она неожиданно и пояснила: — Разговор не из двух предложений, Карелин. В коридоре не годится вести подобные беседы.

На самом деле ей хотелось посмотреть, как он обустроился. Он поймал в ее глазах любопытство, пока она шла в его кухню, обходя три другие комнаты. Необходимости, на его взгляд, не было. Но она везде заглянула.

— Я не прячу у себя беглых каторжников, — пошутил он ей в макушку.

— Я обязана сделать осмотр, — отреагировала она вполне спокойно.

Она прошлась по его кухне размером с квартиру Лешки Окунева. Тронула зеленые листья какого-то неизвестного ему растения, цветущего раз в году в декабре.

— Вы приобрели? Или из прошлой жизни осталось? — поинтересовалась молодая девушка, мало похожая на участкового.

— Из прошлой. Куртку? — протянул он к ней руки.

Она послушно скинула ему куртку, оставшись в черной водолазке и таких же брюках. Удостоверение предусмотрительно вытащила, переложив в задний карман брюк. Пока он относил куртку в прихожую, уселась за большой, сверкающий белой полировкой стол.

— Кофе, чай?

Он точно знал, что на полках его шкафов есть и то, и другое. Окуневу спасибо!

И даже диетические хлебцы, коробка с печеньем и какие-то конфеты.

— Чай, — согласно мотнула она коротко стриженной головой. — Много, горячего и сладкого. Лимона не надо.

Лимона как раз и не было. Вот все было, даже киви. А лимона не было.

Он быстро вскипятит воду. Заварил чай в большем медном чайнике, оставшемся от родителей. Достал ей высокий фарфоровый бокал. Он обнаружил на полке всего три. Три из шести. Остальные когда-то разбились. Это тоже была память от родителей. Он этой посудой дорожил. И Лизе не позволял менять ее на что-то современное и безликое.

— Вкусный чай, — похвалила девушка. — А вы что же?

— Я этого чая за восемь лет напился до чертей в глазах, — признался Дима.

— Чифирили? — подозрительно прищурилась она.

— Нет. Просто пил чай. Больше ничего не было. Ни кофе, ни какао. — Дима встал спиной к окну, опершись о подоконник. — Так зачем вы здесь? Как вас?..

— Старший лейтенант Климова, — представилась она. — Мария Сергеевна. Для вас...

— Для меня гражданин начальник, — внес он уточнение, сложив губы ядовитой ухмылкой.

— Нет. Для вас просто старший лейтенант, — отреагировала она вполне спокойно. — А здесь

• *Забавы мертвых душ* •

я не для того, чтобы чаи распивать, хотя спасибо. А для того, чтобы узнать, как вы собираетесь дальше жить? Вы условно-досрочно освободились. Характеристика вполне себе ничего из мест лишения свободы. Но одно дело — там. Другое — здесь. Так как, гражданин Карелин, вы жить собираетесь?

— Законопослушно, — не перестал язвительно улыбаться Дима.

— Это даже не обсуждается, — покивала Мария Сергеевна, попивая чай из фарфорового бокала его родителей. — Я о другом... Чем вы собираетесь заниматься? Пойдете работать на вашу фирму?

— Это больше не моя фирма, — напомнил он ей, а заодно и себе. — Я выписал генеральную доверенность моей бывшей жене, еще когда сидел под следствием. После развода с ней, а случилось это после двух с половиной лет срока, я продал ей свою долю в бизнесе.

— За хорошие деньги или так — чисто символические? — Она вдруг смутилась под его удивленным взглядом и пояснила: — Я не из любопытства спрашиваю. Мне важно понять: насколько вы обеспечены и социально адаптированы сейчас к жизни в новых условиях? Требуется ли вам какая-то социальная помощь и поддержка и...

— У меня есть деньги, старший лейтенант. И социальная помощь мне не нужна, — перебил ее Дима, она показалась ему забавной. — Я продал свою долю в бизнесе своей бывшей жене за очень, очень хорошие деньги. И они все на моих счетах. К тому же у меня осталась кое-какая недвижи-

мость. Так что... В случае острой необходимости мне есть что продать.

— Хорошо, — кивнула Мария и прищурилась на него. — Стало быть, работать вы не станете?

Дима промолчал в ответ, лишь неопределенно подергав плечами.

— А раньше тунеядцев судили, — неожиданно сказала она, поднимаясь с места. — И если вы станете промышлять чем-то противозаконным, я буду вынуждена...

— Я не собираюсь вкладываться в преступный бизнес, старший лейтенант, если вы об этом.

— Об этом, об этом, — покивала она. — А о чем же еще! Учтите, на моем участке нет наркопритонов и лабораторий. Каждый алкоголик и наркоман у меня на карандаше. Мне многих сил и здоровья стоило вытравить с участка дилеров, сбывающих дрянь. И если вы намерены...

— Не намерен, — оборвал он ее с раздражением. — Я второй день дома, старший лейтенант! Я еще даже на улицу не выходил. Нужды нет. Окунев мне продуктов на полгода купил. А вы мне про такое...

— Окунев — это муж вашей жены?

Мария влезла в рукава куртки, которую он распахнул за ее спиной.

— Окунев — это мой бывший сосед. И да, он нынешний муж моей бывшей жены. И у нас с ним великолепные отношения. Это он приехал меня встречать.

— Открою вам тайну, гражданин Карелин. — Встав на пороге, Маша вернула удостоверение

• *Забава мертвых душ* •

во внутренний карман куртки, строго глянула. — Именно Окуневу вы обязаны своим условно-досрочным освобождением. Он пороги обивал, хлопотал, без конца звонил, нудил и просил. Если бы не он...

— Если бы не он, я бы вышел через четыре года, — в который раз перебил ее Дима. — Спасибо, что навестили. Со своей стороны обещаю вести себя смирно и внимания правоохранителей не привлекать. До свидания.

Закрывая за ней дверь, Карелин предположить не мог, что уже завтра снова встретится с участковым — Марией Сергеевной Климовой. И как раз по причине того, чего обещал избегать.

ЧАВА 4

— Открывай дверь, старая! — Крупный грязный кулак ударил по железной двери, потом еще и еще раз. — Я тебе говорил, что приду? Я пришел! Открывай, хуже будет!

Она стояла в собственной прихожей, прижимаясь спиной к двери, ощущая каждым нервом мощные удары. Казалось, что этот страшный человек молотит не по двери, а между ее лопаток. И делает ей больно. Но она не уходила, потому что считала, что заслужила это наказание. Это была кара за ее неправильную жизнь, за ее импульсивные поступки.

Зачем ей была нужна эта дурацкая дубленка? Зачем?! Зиму обещали теплую. Вполне отходила бы в старом пуховике. Нет, купилась на рекламу, зашла в магазин, долго примеряла и выйти без покупки уже не смогла. При этом она совсем не была шопоголиком, нет. Ей просто очень, очень понравилась эта дубленка: тонкая, теплая, с красивым мехом по воротнику. Не мех — шелк! И так она ей подошла. Так подошла, что снять ее с себя и оставить в магазине, Зинаида Павловна просто не смогла.

— Мы можем оформить вам рассрочку, — сверкнула белозубая улыбка продавца в ответ на ее жалобы на отсутствие денег. — За полгода расплатитесь. Главное, эта рассрочка не кредит. Никаких процентов. Раз в месяц приносите в магазин деньги, мы выписываем вам чек.

— А если я опоздаю на день-два? — все еще колебалась она, не желая притом выпускать дубленку из рук.

— Не страшно. В договоре будет прописано, что семь дней — допустимая просрочка платежа.

Так это было заманчиво. Так устраивало Зинаиду Павловну. И дубленка была чудо как хороша. И она решилась. Оформила договор, забрала покупку. Дома долго крутилась перед зеркалом, примеряя подо все свои вязаные шапки. Сочла, что ни одна не годится. И срочно надо будет купить моток хорошей шерсти в тон к меху. И связать шапочку и тонкий шарфик. Что-что, а это она умела.

Купила. Связала. С приходом зимы начала носить новенькую дубленку, не жалея. Долг регу-

лярно погашала. Продавец все так же лучезарно улыбался ей, осыпая комплиментами. Все шло замечательно. До прошлого месяца. Тогда-то и начались ее проблемы. Да какие!

Перво-наперво куда-то подевался тот самый улыбчивый продавец, ему на смену появилась толстая тетя неопределенного возраста. Очень неприятная и грубая особа. Магазин поменял название. И когда Зинаида Павловна попыталась внести очередной — предпоследний — платеж, ей сказали, что это не к ним. А куда — они не знают.

— Радуйтесь, женщина, — порекомендовала неприятная особа, криво скалясь. — Дубленка досталась вам почти даром.

Зинаида Павловна была женщиной дисциплинированной, законопослушной, поэтому радоваться поостереглась. Она насторожилась. И начала ждать неприятностей.

Они и явились в лице грубого здоровенного мужика, от которого даже сквозь дверь воняло перегаром.

Явившись однажды ранним утром, он потребовал от нее вернуть долг за купленную дубленку. Весь полностью. Ее слова о том, что она почти все выплатила и осталось лишь два платежа, не были им услышаны.

— Хозяин магазина разорился. Он продал все свои долги нам. И мы теперь их собираем, — пояснил он. — Так что придется вам все нам вернуть.

— Что все? — не поняла она, разговаривая с ним через запертую дверь.

— Долг, тетя. Долг верни.

— Я все погасила. Осталось два платежа, — настырничала Зинаида Павловна. — У меня есть все документы, которые подтверждают...

— Подотрись ими, — заржал в полный голос человек за дверью. — Он нам должен столько, что...

Она, наивно полагая, что сможет договориться с новыми хозяевами, побежала на следующий день с документами в магазин. Но там ее ждало еще большее разочарование.

— Женщина, это что такое? — вертела в руках ее бумаги неприятная особа с лишними килограммами.

— Договор, чеки о платежах. — Зинаида Павловна тут же вырвала из ее рук свои документы и поспешила спрятать в сумке.

— Ни печати, ни штампа. Это филькина грамота, женщина. Ни в одном суде не докажете, что вы что-то там платили, — фыркнула та.

— Тогда я не стану вовсе платить. Потому что ни в одном суде нельзя доказать, что я вообще что-то у вас тут покупала.

Продавщица приоткрыла рот от такого и не нашлась что ответить. А Зинаида Павловна, мысленно похвалив себя за то, что не пошла сюда в новой дубленке, а надела старый пуховик, ушла домой.

Несколько дней было тихо. А потом этот ужасный человек снова пришел. И снова начал стучать к ней в дверь. И стал приходить каждый день. И угрозами сыпал все более серьезными.

• *Забавы мертвых душ* •

— Открывай дверь, старая сука! — продолжил он сейчас и трижды пнул ее дверь.

— Если вы сейчас не уйдете, я вызову полицию! — крикнула она, отходя от двери на метр.

Кстати, а почему она этого не сделала сразу? Почему так давно все это терпит? Видела же вчера участкового — милую девушку Марию. Та наносила визит соседу Зинаиды Павловны. Кажется, он сидел в тюрьме, а теперь вернулся. И участковый его навещала. Или проверяла. Не важно. Важно то, что она серьезно относится к своим обязанностям. И ее вполне можно попросить о помощи.

— Полицию? — протянул насмешливо бесовестный гад из-за двери. — Как тогда по улицам станешь ходить, старая калоша? С оглядкой? Я буду стеречь тебя везде. Я во снах тебе буду являться.

Она не успела представить, как это будет. И испугаться по-настоящему не успела тоже. Дверь напротив, кажется, открылась. И мужской голос, очень приятный, поинтересовался:

— Что здесь происходит?

Сосед! Тот самый, который вернулся из тюрьмы. Зинаида Павловна не была с ним знакома. Его посадили, когда она еще не жила в этой квартире. Переехала позже, разъехавшись с зятем и дочерью. Правильнее, они остались в ее трехкомнатной квартире. А себе она купила «однушку», но в хорошем районе. И теперь она здесь живет. Одна. Пять лет уже.

— Что здесь происходит? — повторил приятный голос вопрос.

Зинаида Павловна глянула в дверной глазок. Сосед из квартиры напротив стоял посреди лестничной клетки в старомодном спортивном костюме. Он игрался ярким теннисным мячом, перебрасывая его из ладони в ладонь.

— Тебе чего, сосед? — прохрипел бессовестный гад. — Сиди себе смирно в своей хате, пока я к тебе не завернул.

— С целью? — спокойно поинтересовался сосед Зинаиды Павловны. — Ты вообще — кто такой? Почему нарушаешь покой граждан? Ломишься в квартиру к пожилой одинокой женщине.

— Я не ломлюсь. Я долг с нее требую, — чуть менее уверенно пояснил воняющий перегаром мужчина.

— Коллектор, что ли?

Теннисный шарик принялся летать из ладони в ладонь с невероятной скоростью. Зинаида Павловна не могла оторваться от дверного глазка, так ее это завораживало.

— Типа того.

— Если коллектор, то чего так нагло себя ведешь? Вас сейчас обложили правилами, голос повысить не можете. А ты одинокой женщине который день угрожаешь. Серьезно угрожаешь. Если я сообщу в твою контору, тебя уволят.

Зинаида Павловна видела, как сосед с убеждением кивнул. Ее душа, загнанная страхом в пятки, вдруг воспарила, расправив крылья. И она даже

осмелилась открыть дверь. И сделать робкий шаг из квартиры.

— Во, вышла, — оскалил неровный ряд зубов ее мучитель.

И глянул на ее соседа со странным выражением на небритом лице. Она бы охарактеризовала это выражение как заискивающее.

— Если что, она ни хрена не одинокая. У нее дочь есть и зять, — добавил к своей угодливой мимике точно такие же интонации мужик.

— Откуда знаешь? — прищурился сосед.

Яркий мячик в его руках продолжал летать.

— Так это... Справки наводили.

— Документы покажи. — Сосед протянул левую руку, в правой зажал мячик, остановив его полет.

— Какие документы? — опешил мужик.

— Подтверждающие твои полномочия как коллектора. Покажи. Ну!

И вот тут мяч из его правой руки снова полетел, но только мимо левой ладони. Он угодил точно в центр лба ее мучителя. И с такой силой туда угодил, что мужик застонал и рухнул на колени.

— Да ты чего, а? Я же просто... — принялся тот скулить, когда сосед потребовал, чтобы Зинаида Павловна срочно вызвала участкового.

Она звонила, скороговоркой обозначала причину вызова, а попутно прислушивалась к тому, что происходит на лестничной клетке.

— Кто тебя нанял? Ты ведь никакой не коллектор. Так зачем ты здесь? Что тебе от нее надо? — наклонившись к скорчившемуся в углу мужику,

допрашивал сосед. — Говори! Откуда знаешь про ее родственников?

— От них и знаю, — ныл мужик, потирая лоб. — Зять меня нанял нервы попортить бабке. Увидал ее в новой шубе...

— В дубленке, — поправила его Зинаида Павловна, возвращаясь на лестничную клетку. — Это не шуба. Это дубленка.

— Плевать, — покосился на нее ее мучитель. — Он увидел, разозлился. Говорит, мы с женой копейки считаем, а она в таких обновках ходит! Походил за ней. Узнал, где она за нее расплачивается. И придумал весь этот розыгрыш.

— Ничего себе розыгрыш! — возмутилась она. — Вы же мне покоя вовсе не даете! Я с ума схожу уже...

— Вот-вот, этого зятю было и нужно. Решил вас в дурку упечь, чтобы квартиру освободить. Говорит, не дожدهшься, пока ее не станет...

Через десять минут из лифта вышла Мария Климова — их участковый. Потребовала документы, их у человека, измучившего Зинаиду Павловну, не оказалось. Но он назвал себя. Климова принялась кому-то звонить, что-то выяснять. И уже через несколько минут повернулась к мужчине с удивленно вскинутыми бровями.

— Гражданин Кочкин, да вы у нас легендарная личность, оказывается! И претензий в соседнем районе к вам накопилось немало. Что скажете?

Тот затих, исподлобья посматривая на них.

— Сейчас приедут мои коллеги, заберут вас до выяснения. А пока... — Климова, покосившись на соседа Зинаиды Павловны, неожиданно присела на корточки перед Кочкиным. — Не расскажете в двух словах, чего вы хотели от гражданки?

— Ничего, — огрызнулся тот, отворачиваясь.

— Деньги он вымогал. Представился коллектором и требовал несуществующий долг. Я правильно все понял? — Сосед тепло глянул на Зинаиду Павловну.

— Да. Совершенно верно. — Она улыбнулась ему в ответ. — И зятя моего зачем-то приплел.

— Ничего я не приплел. Он меня и нанял, тебя с ума свести, — пробубнил Кочкин. — Зол на тещу сильно. Из квартиры, говорит, съехала, а оформлять не хочет на них. И эту хату не подписывает.

Вот какая же она молодец, что послушалась совета давнего приятеля своего покойного мужа — Германа Игоревича Желткова. И не стала все переписывать на дочь.

— Успеете еще, Зинаида Павловна, — советовал старый антиквар. — Это — нажитое вами. Ваша добрая воля — съехать от них в квартиру, которую вы на свои же деньги и купили. Пусть все так и будет пока. А потом время покажет, кому, что и за какие заслуги...

— Ого! Вот у нас и правонарушение нарисовалось, — покивала Климова, вставая на ноги. — Еще и зятя вашего привлечем за преступный сговор.

Все, что от вас потребуется, Зинаида Павловна, это заявление.

Она немного погрустила, представив, как разозлится ее дочь, узнав обо всем. И даже едва не расплакалась, пока писала заявление на Кочкина. Но ее сосед, недавно вернувшийся из мест лишения свободы, вдрут помотал головой и проговорил:

— А вот плакать не стоит. Все уже позади. Проблем у вас больше не будет. Во всяком случае, со стороны вашего зятя. Это я вам обещаю. И участковый наш тоже обещает. Так ведь, Мария Сергеевна?

Климова как-то очень недобро посмотрела в его сторону. Промолчала. Через несколько минут приехал наряд полиции. Мучителя Зинаиды Павловны взяли под руки и увели.

— Если потребуется ваше присутствие, вас вызовут, — строго глянув на Зинаиду Павловну, проговорила Климова.

Повернувшись к ее соседу, схватила его за рукав вышедшей из моды спортивной кофты и потащила к его квартире со словами:

— С вами у меня будет разговор особый...

Климова на него рассердилась? Совершенно точно рассердилась. Но за что? Почему? Он же какое доброе дело сделал. Он не побоялся, вмешался, защитил. Она теперь знает, к кому можно обратиться за помощью в первую очередь. И если у кого-то из знакомых и соседей возникнет острая необходимость в защите, она знает, к кому их отослать.

• *Забавы мертвых душ* •

— Не надо на него сердиться, Мария Сергеевна! — крикнула ей в спину Зинаида Павловна.

Но ее не услышали. Дверь квартиры напротив плотно закрылась.

ЧАВА 5

— Спит?

Лиза подняла на него взгляд от телефона лишь на секунду. Даже и того времени он не удостоился, входя в их столовую после того, как уложил дочь.

— Спит...

Алексей посмотрел в раковину. Посуда после ужина никуда не подевалась. Лиза, как всегда, не сподобилась сложить все в посудомойку.

— Леша, не парься, — рассеянно проговорила она ему в спину, когда он принялся заполнять посудомоечную машину грязными тарелками. — Завтра Лера придет и все сделает.

— И всю ночь будет вонять пищевыми отходами, — ворчливо отозвался он.

— Но ты же здесь не спишь, — возразила Лиза.

Вот что-что, а возражала она ему всегда с удовольствием. Говорила с ним неохотно. Сочувствовала — так же. Помогала? Да никогда. А вот спорить и возражать любила.

— Зачем выполнять чужую работу? Мы за это ей деньги платим. А она косячит. И привирать стала, — не унималась Лиза даже тогда, когда рако-

вина опустела, а огонек на посудомоечной машине загорелся.

— Мне не сложно.

Он вымыл руки, тщательно вытер бумажным полотенцем. Взял пульт от телевизора и сел лицом к Лизе. Она сидела в кресле, положив ноги на низкий столик, выставив на обозрение совершенные ступни. Он устроился на диване напротив телевизора. Включил новости без звука. Он их уже слышал. Просто любил, когда телик в комнате работал. Не так ощущалось одиночество.

— Как день прошел?

Он пристально рассматривал жену. Находил ее по-прежнему красивой. И тут же ощущал в себе странный холодок, поселившийся не так давно в районе сердца. Не теплую волну, топившую его прежде, а холодок. Странный такой — острый.

Он что, ее больше не любит как прежде? Остыл? Или просто устал? Или раздражен тем, как она живет? Бессмысленно, однообразно, лениво.

— Что? — Оторвав взгляд от телефона, Лиза посмотрела на него. — Что-то не так?

— Все так, — отозвался Леша и не поспешил пересест к ней на подлокотник, как делал раньше. — Чем сегодня занималась?

— Всем подряд. — Она вздохнула и снова уставилась в телефон.

— Дима не звонил?

Вопрос, вырвавшийся неожиданно, удивил и ее, и его самого. С какой стати Диме ей звонить? Она

изменяла Карелину, еще когда тот был свободен. Бросила его сразу же, как его посадили.

А до того, как сесть, узнал обо всех ее грехах. Узнав, переживал так, что...

— С какой стати ему мне звонить? — сопровождала недоуменный взгляд равнодушным голосом его жена. — Мы давно чужие люди.

— А свои для тебя кто? Есть такие?

Что-то сегодня на него накатило. Он ее провоцирует? Хочет, чтобы она взорвалась, наговорила ему гадостей? А он тогда будет иметь полное право наговорить ей гадостей в ответ.

Да, именно так! Ему хотелось скандала!

— Есть, — усмехнулась Лиза, откладывая телефон в сторону. — Это мой муж, моя дочь. А ты с какой целью интересуешься? Сомневаешься в том, что вы для меня все? Весь мир?

Еще два года или даже год назад от этих слов он бы точно расплакался, спрятав лицо в ее коленях. Сегодня его это не тронуло.

— Леша, ты чего, а?

Она фальшиво улыбнулась, наклонилась и попыталась поймать его колено. Он ловко увернулся. Прибавил звук и сделал вид, что смотрит телевизор.

— Какой-то ты... — Она изумленно расширила глаза, потом прищурилась. — Что с тобой происходит, муж мой? Я тебя не узнаю.

Он и сам себя не узнавал, если честно. Что-то, едва слышно хрустнув, надломилось в нем. Поменялась система ценностей. Желания стали иными.

— Я просто устаю, — нехотя обронил он, потому что Лиза ждала ответа. — Ты на фирме не появляешься. Являясь единовластной хозяйкой, ты все свалила на меня. А зарплату платишь как простому менеджеру.

— Но ты и есть менеджер, Леша. Кресло генерального директора занято другим человеком. И коммерческий директор — не ты. Твоя должность в штатном расписании значится как менеджер по общим вопросам. Напомнить, почему ты был смещен с должности креативного директора, Леша?

— Не надо.

Он стиснул зубы, чтобы не начать орать на нее. Чтобы не начать оправдываться и убеждать ее, что его жестоко подставили. Против него на ее фирме, которая прежде принадлежала Диме, организовали целый заговор. Выставили таким дураком, что он едва не запил. Спасло то, что его организм не выносил алкоголя.

— Ты мог бы сидеть дома и не таскаться каждый день на фирму.

— И просить у тебя денег на бензин? — фыркнул Леша.

— Ну, почему сразу так? — Лиза суетливым жестом поправила расползавшиеся полы шелкового халата. — Наш счет — он общий и...

— И ты его контролируешь. И требуешь с меня отчета за каждый потраченный рубль.

— Не за рубль, а за пятьдесят тысяч рублей, которые ты потратил неизвестно куда. Вопрос — «куда» так и остался открытым, Леша.

• *Забавы мертвых душ* •

— Именно по этой причине я и работаю. Чтобы не отвечать на подобные вопросы. Я захотел потратить деньги на себя — любимого. Я их на себя потратил. И не обязан отчитываться. А ты...

Что-то такое незнакомое она в нем наконец заметила. И растерялась.

— А я — что?

— А ты не понимаешь, не видишь. А я тоже могу и хочу себя любить. Так же, как ты себя. Так же, как миллионы людей вокруг. Мне надоело! — воскликнул он с легким повизгиванием. — Надоело все время приносить себя в жертву!

Он вскочил на ноги и заходил по столовой. Разбежаться было где: сорок квадратных метров. Даже так: с несдвинутой к стенам мебелью можно было смело устраивать танцы. А танцы никогда не устраивались, вот в чем беда! Она могла танцевать где угодно, только не с ним и не дома.

— Леша, успокойся, — произнесла она после продолжительной паузы. — Я обещаю подумать над твоим новым назначением. И да, я узнала о том, что в прошлый раз тебя тупо подставили. Тот, кто это сделал, уволен.

Он опешил, тут же вспомнив Раечку Громкую. Больше никого не увольняли. Штат работает в полном составе. Что получается? Единственный человек, который его на фирме поддерживал, его и подставил? Нет, ну, бред! Раечка ему сразу сказала, что ее увольняют из-за того, что Лиза его ревнует к ней. А выходит, что она...

Он молчал. Решил, что не опустится до расспросов. Довольно унижений.

— Может, чаю выпьем, Леша?

И она — неслыханное дело — выбралась из кресла и поспешила к чайнику. Залила водой из бутылки. Достала красивые чайные пары. Вазочку с мармеладом, который ей делали на заказ из натурального сока. Принесла все на журнальный столик, забыв вытереть его после того, как на нем лежали ее ноги. Леша поморщился, но ничего ей не сказал. На сегодня претензий хватит. Надо дорожить такими вот редкими моментами ее внимания.

Он смотрел, как мечется по кухне его жена в шелковом облаке халатика. Наблюдал за ее роскошными белокуроыми прядями, те жили своей собственной жизнью, скользя между лопаток Лизы. Неслышная поступь босых ног по полу. Мимолетная улыбка, виноватый взгляд.

Все это было так прекрасно. И так грустно. Эта женщина так и не стала ему родной. Между ними всегда существовала какая-то невидимая преграда. И даже рождение ребенка ничего не поменяло. Они по-прежнему были чужими.

— Тебе вкусно? — поинтересовалась Лиза, заметив, как он потянулся за третьей мармеладной.

— Вкусно, — соврал Леша.

Он не любил сладкого. Сейчас набросился на мармелад, чтобы подсластить впечатление от ее вынужденной заботы. Ей же страшно не хотелось

готовить ему чай. Он видел. Заварку просыпала мимо чайника. Кипяток пролила. Видимость. Одна сплошная видимость заботы. Видимость семьи.

— Знаешь, Карелин, как мне кажется, недолго на свободе пробудет, — неожиданно нарушила Лиза тишину.

— С чего вдруг?

Он мгновенно насторожился. И не потому, что она произнесла в их доме фамилию бывшего мужа, которого когда-то сильно любила. А потому, как именно она произнесла. А как, как? Он задумался, закрываясь от нее чашкой.

Старательно подавляя эмоции, вот как! Искусственное равнодушие — вот что он услышал. Так было всегда и так будет вечно.

— Он, не успев вернуться, принялся помогать людям, представляешь! — произнесла его жена странно вибрирующим голосом.

— Разве это плохо? — пожал Леша плечами. — Помогать людям — это хорошо, Лиза. Мы этому учим нашу дочь.

— Да... Но вопрос: кому и зачем?

— А кому помог наш Карелин?

Если она и услышала издевку в слове «наш», то не подала виду. Принялась рассказывать, азартно поблескивая глазами.

— Вот, скажи, зачем ему надо было ввязываться? Он же только-только вышел по УДО. Ему надо сидеть тише воды ниже травы. А он полез заступаться. Да еще и мячиком теннисным злоумышленнику в лоб засадил.

— Подробности, как я подозреваю, от Осипова? — Его пальцы в сахарной пудре застыли над вазочкой с мармеладом.

— Ну а от кого же еще? Не от Карелина же! — фыркнула Лиза.

Она веселилась? Она веселилась, сучка! Видимо, не предполагала, что ее мужу известно, что они с Осиповым не просто друзья и одноклассники.

— Так вот... — продолжила она рассказ. — У него накануне только участковый побывал с предупреждениями всякого разного толка. Ну, чтобы он вел себя тихо. Никуда не впутывался. И так далее. А на другой день Карелин уже кинулся спасать мир в лице какой-то пенсионерки.

— Я ее помню, — погрузившись в размышления, отозвался рассеянно Леша.

— Кого — участковую?

— Нет. Пенсионерку. Интеллигентная тихая женщина. Вежливая. Карелин ее не знал. Она поселилась уже после того, как он сел.

— Вот! Это-то и бесит в нем! Какого черта ты полез, если тетку даже не знаешь? Так ведь, Леша?

Он уронил очередную мармеладину обратно в вазочку, подул на пальцы, избавляясь от сахарной пудры, и мотнул головой.

— Нет. Не так.

— В смысле? — Красивые карие глаза его жены округлились. — Ты его оправдываешь, что ли?

— Нет. Я его понимаю. Просто я его понимаю. Мне самому часто хочется вмешаться, когда я вижу

• *Забавы мертвых душ* •

какое-нибудь скотство на улице или в ресторане. Но мне не хватает принципиальности. Или...

— Или смелости?

Может, она и не хотела обижать его, но вышло как раз наоборот. Лиза поймала его взгляд, полный бешенства, и, смутившись, пробормотала:

— Извини.

— Дело не в смелости. Я не трус, если ты это имела в виду. Я всегда смогу защитить свою семью и себя в том числе. Дело в безрассудстве, которым Карелин обладает, а я — нет. Чтобы быть Робин Гудом, надо быть не просто смелым, а безрассудно смелым. Потому что, включая разум, ты непременно отступишь, притормозишь. А Дима...

— Без тормозов. Это точно, — покивала она, ставя чашку с нетронутым чаем на столик.

— Так что там с соседкой? Кому могла помешать эта милая интеллигентная женщина? От кого ее спасал наш Карелин?

И снова она пропустила нажим на слове «наш», принявшись во всех подробностях описывать происшествие. Он слушал внимательно. Но не потому, что его занимал рассказ. А потому, что он мысленно прикидывал, сколько времени понадобилось Осипову, чтобы рассказать об этом Лизе во всех подробностях? И при каких обстоятельствах он делился с ней новостями? По телефону или в их любимом кафе?

Представить гадко, но у них было их любимое кафе! Со слов Лизы, они его облюбовали еще в девятом классе и с тех пор не меняли географию встреч.

Но Леша-то знал, что это не так. Он-то знал, где еще они бывали.

— Представляешь, какая история! — закончила Лиза рассказ.

— Дикая, на самом деле, история. Бедную пожилую женщину преследует злоумышленник, которого подослали ее же собственные дети.

— Зять, — поправила его Лиза.

— Ай, брось. Ни за что не поверю, что дочь не была в курсе. Может, тонкости травли и не обсуждались при ней. Но что на маму бузила, сидя с мужем за борщом на кухне, это к гадалке не ходи.

— Считаешь? — изумленно захлопала ресницами Лиза.

— Уверен. Иначе не позволила бы матери на старости лет съехать из ее же собственной квартиры. И что самое дикое во всей этой истории, так это невозможность кому-либо пожаловаться. Никто не поверит. А когда бедная женщина узнала, кто стоит за всем этим, то невозможность пожаловаться кому-либо возросла в разы. — Он увидел, как Лиза недоуменно повела плечами, и пояснил: — Жаловаться на собственную дочь? Обвинять ее? Ты бы стала, если бы наша Лидочка так с нами поступила?

— Ой, ну при чем тут наша Лидочка? — вспыхнула Лиза, нервным движением схватила с вазочки мармелад.

— При том, дорогая, что наша Лидочка тоже когда-нибудь станет взрослой. И тоже выйдет замуж. И ее мужу может показаться, что мы с тобой зажились на этом свете. Или как-то не так управ-